

Haarmann H. Sprachvariation und Dublettenbildung – zur Lautalternation im Russischen Lehnwortschatz des Ižorischen // Советское финно-угроведение. 1984. № 1.

Laanest A. Einige Ergänzungen zur Frage der Russischen Lehnwörter und deren Variierung im Ižorischen // Советское финно-угроведение. 1984. № 1.

Nirvi R.E. Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.

И. И. Муллонен

О ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ ПО ТОПОНИМИЧЕСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ¹

Современная территория Олонецкого перешейка между Ладожским и Онежским озерами является разноэтничной: его западная часть населена карелами-ливвиками, людиковские деревни протянулись узкой полосой с юга на север в центральной части перешейка, а к востоку от них – на реке Ивине и в Прионежье – проживает русское население. Вепские деревни примыкают к юго-западному побережью Онежского озера. Как происходило формирование этой этнической картины и что представляли собой этнически перешеек, а также примыкающий к нему с северо-востока Заонежский полуостров в прошлом?

По данным языкознания освоение Олонецкого перешейка прибалтийско-финским населением проходило в несколько этапов. Бесспорное вепское языковое наследие в карельских говорах этого района свидетельствует о том, что вепсы были здесь предшественниками карел. При этом анализ фонетических особенностей ливвиковского и людиковского диалектов карельского языка (особенно система чередования ступеней согласных, а также выпадение гласных середины и конца слова) позволяет утверждать, что переход от вепской речи к карельской, особенно в ее ливвиковском варианте, не мог осуществиться в ре-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а/С.

зультате однократного внедрения карельских переселенцев в вепсскую среду. Понадобилось по крайней мере два – три этапа, прежде чем вепсский язык был интегрирован в карельский. При этом людиковское наречие карельского языка может рассматриваться как результат контактирования, происшедшего на начальных этапах вепско-карельского взаимодействия. В нем сложились предпосылки для того фонетического развития, которое произошло в ливвиковском наречии в ходе внедрения новой карельской волны. Схематично, отвлекшись от частностей, контактирование двух языковых стихий – вепсской и карельской – можно изобразить таким образом, что вначале происходит «людизация» всего Олонецкого перешейка. На следующем этапе в результате распространения новой волны карельских переселенцев происходит «карелизация» «людизированного» перешейка, точнее, его западной части, примыкающей к Ладожскому озеру. Формируются два диалектных ареала: ливвиковский, в котором вепсское наследие представлено в виде субстрата, и людиковский, соотношение вепсского и карельского элементов в котором оценивается исследователями как равное (Itkonen 1971).

В связи с представленной интерпретацией событий этноязыковой истории Олонецкого перешейка встает по крайней мере два вопроса: первый – когда происходили описанные процессы, и второй – чем обусловлено то расположение границы, разделяющей ливвиковский и людиковский ареалы, которое видно на современной диалектной карте Карелии? Что касается ответа на первый вопрос, отметим, что хронологические рамки представленного процесса на языковом материале трудноуловимы. Д.В. Бубрих в свое время полагал, что карельское проникновение на Олонецкий перешеек начинается с XIII в., а не позднее XV в. карелы начинают осваивать районы, примыкающие к Олонецкому перешейку с севера (Бубрих 1947). За этой хронологической привязкой, однако, стояли не собственно языковые данные, а некоторые факты исторических документов. Напротив, при ответе на второй вопрос привлечение языковых, в частности, топонимических свидетельств, оказывается достаточно перспективным.

Ливвиковско-людиковская граница, отделяющая западную (ливвиковскую) часть Олонецкого перешейка от восточной (людиковской), имеет примечательную географическую характеристику: в то время как ливвиковская территория тяготеет к бассейнам рек, впадающих в Ладожское озеро, людиковская располагается строго в бассейне р. Свирь. Хотя ливвиковские поселения вплотную подходят к верховьям северных притоков Свири рек Усланки, Мандроги, Важинки, их все же нет в бассейне этих рек. Происходит это не случайно: водные пути формировали основные направления освоения территории; поэтому границы водных бассейнов становились во многих случаях и этническими границами. Людико-ливвиковская граница накладывается на естественно-географический рубеж, разделяющий два водных бассейна – Свири и Олонки. В этом контексте интересно выяснить, почему географический принцип в формировании границы между ливвиками и людиками не выдерживается севернее, на участке р. Шуя, где указанная этническая граница не соотнобразуется с течением реки, а пересекает Шую в нижнем течении. Иначе говоря, почему карельское языковое воздействие, продвигавшееся с верховьев Шуи вниз по реке, если не приостановилось, то во всяком случае утратило свою мощь на нижнем участке Шуи?

Привлечение топонимического материала показало, что ливвиковско-людиковская граница совпадает с северо-западной границей распространения некоторых характерных вепсских топонимических моделей. Среди них тип *Kukoiharj*, *Kukoinharj*, *Kukiharj*, буквально ‘петушинный гребень’, достаточно продуктивный в качестве вепсских названий возвышенных участков местности на территории южного Присвирья. В обрусевших районах южного Присвирья известны горки под названием *Кукогорье*, *Кукарьги*, *Кукоряги*, а также переводные *Петуний Гребень* и *Курий Гребень*. Это так называемый метафорический топоним, в котором отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной (в нашем случае вепсской) топонимической системе метафоры. Насколько позволяют судить наши материалы, эта модель не была свойственна карельской топонимии и не фиксируется, например, в ливвиковском ареале. В контексте приведен-

ных выше наблюдений о ливвиковско-людиковской границе показательно, что ареал распространения данной модели не ограничивается южным Присвирьем, а проникает в северное, где фиксируется на р. Важинка (уроч. *Kukuoinhard'* в дер. Мошничье), затем в Святозере (поле *Kukuenhard'a*) и далее на Сямозере (уроч. *Kukoihard'a*), т. е. вдоль водно-волокового пути, шедшего из Присвирья через р. Важинка и Святозеро в бассейн р. Шуя. Показательно отсутствие модели западнее, на ливвиковской территории, где также есть вепсский языковой субстрат. Видимо, наш пример – отражение более локальных (и, возможно, более поздних) проявлений вепсского наследия.

Точно так же со Свири к восточному берегу Сямозера через р. Важинка ведут и топонимы, в которых отразился специфический вепсский географический термин *čuhuk*, *čuhak* 'холм, горка, возвышенность'. Основа широко представлена в вепсской топонимии в южном Присвирье (ср. названия горок *Čuhuk*, *Čuhak*, *Čuhakod*, *Čuhakmägi* и др.), а затем по крайней мере двумя топонимами на указанном водно-волоковом пути: *Čuhakmägi* в среднем течении р. Важинка и *Čuikniemi* на восточном берегу оз. Сямозера.

Примерно по этой же линии проходит и западная граница распространения топонимов с показательным вепсским географическим термином *kaq*, *kaqa* 'небольшой залив, бухта'. Являясь обычным, широко распространенным на вепсской территории и неизвестный в целом карельскому языку – кроме говора с Михайловское (*kuag* 'залив'), куда проник явно из вепсского языка – он в то же время присутствует в топонимии на северных притоках Свири, в том числе на р. Важинка, откуда затем распространился и севернее, в частности, в топонимию Святозера и смежных, расположенных на ливвиковско-людиковской границе деревень Каскеснаволоок, Афанасьева Сельга. Он известен и на северно-людиковской территории, где зафиксирован по крайней мере в топонимии Кончезера, Намоева, Мунозера, Суйсари. Не исключено, что ареал лексемы, которая известна также топонимии русского Заонежья и Пудожья, отражает и другие пути проникновения этого дифференцирующего вепсского ландшафтного термина в Обонежье. Однако в любом случае в за-

падное Прионежье он попал по отмеченному уже водно-волоковому пути со Свири через р. Важинка и оз. Святозеро на р. Шуя. Интересно, что на северном участке граница его распространения совпадает с ареалом бытования топонимов с этнонимической основой *veps-/вепс-* (Nissilä 1967)¹. Примечателен также факт из этнонимии: паданские карелы называют северных людей этнонимом *vepsä*, сохранив тем самым память о вепсском (докарельском) прошлом северно-людиковского ареала.

Приведенные топонимические факты говорят о том, что путь со Свири на север через Важинку был известен вепсам и на определенном этапе сыграл решающую роль в формировании людиковско-ливвиковской границы. В том месте, где ливвиковско-людиковская граница пересекает р. Шуя, сталкивались два водных пути, по которым шло освоение края: один – вниз по Шую в Онежское озеро, а второй – со Свири через ее северный приток Важинку и южный приток Шуи Святреку в Шую, а затем в Онежское озеро. Если первый шел из карельского Приладожья, то второй – из вепсского Присвирья, и по нему, очевидно, вепсское воздействие продолжало ощущаться и после того, как началось заселение Онежско-Ладожского перешейка карелами. Последнее если не приостановилось, то во всяком случае значительно ослабло в низовьях реки.

Топонимия не дает прямого ответа на вопрос о том, как долго присвирское влияние продолжало проникать на север, хотя то, что оно подтверждается фактами микротопонимии, указывает, кажется, на достаточно позднюю хронологию. Возможно, определенными ориентирами здесь могут служить данные смежных наук, в частности, народной архитектуры, свидетельствующие о том, что к XIX в. четкая ареальная граница в ливвиковско-людиковском порубежье размывается в связи с распространением одинаковых архитектурных форм по обе стороны этнической границы (Орфинский и др. 1997). В таком случае

¹ Кроме приводимых В. Ниссиля примеров, относящихся к людиковскому и собственно-карельскому ареалу, можно указать еще два достаточно убедительных случая из ливвиковского ареала, примыкающего к северно-людиковскому: урочища *Vepsänmoa* и *Vepsänpolvi*.

встает вопрос, какова была этническая ситуация, например, на момент составления писцовых книг XVI–XVII вв. Носили ли тогда границы погостов этнический характер?

Ситуация здесь достаточно запутанная, хотя анализ топонимических данных показывает, что целый ряд топонимических изоглосс северного Присвирья, идущих с юга, вписывается в границы средневекового Важинского погоста, западной границей которого является водораздел р. Важинка и Олонка, а северной – р. Шуя. Менее выражена в этом смысле восточная граница, отделяющая бассейн Важинки от бассейна самого восточного притока Свири – р. Ивинка. Идущие с юга изоглоссы объединяют территорию двух средневековых северносвирских погостов – Важинского и Остречинского (второй – по р. Ивинке) в единый ареал. Зато граница двух погостов приобретает четкие очертания, когда речь заходит об идущих с запада и северо-запада карельских изоглоссах, которые практически не выходят за ее пределы на восток. В связи с вышесказанным можно осторожно предположить, что восточная граница Важинского погоста является, очевидно, границей ареала распространения карел на восток в северном Присвирье.

Этнический характер носили, видимо, и границы средневекового Остречинского погоста, в который входила территория бассейна р. Ивинка, а также территория вдоль юго-западного берега Онежского озера – современный северновепсский ареал. Бассейн Ивинки – это сейчас русский ареал, однако мощный вепсский фон дорусской топонимии свидетельствует о его бесспорном вепсском прошлом (Муллонен 1989). Оно подтверждается и документально. «Списки населенных мест Российской Империи» 1876 г. фиксируют чужь по крайней мере на нижней Ивинке, в населенных пунктах Остречины и Ивина. Если Важинский погост был на определенном этапе истории людиковским, то Остречинский был вепсским¹.

¹ Предполагается, что границы средневековых погостов восходят к общино-территориальным подразделениям местного населения, сложившимся не позднее XI в. (Кочуркина 1973). Они отражают, таким образом, еще, видимо, докарельский период истории северного Присвирья. Действительно, есть определенные факты, указывающие на неоднородность, на разновременность

Ситуация по другим средневековым погостам еще более расплывчата. Современная топонимия территории бывшего Шуйского, а также Кижского погостов содержит как вепские, так и карельские, а также русские традиционные модели, которые на данном этапе исследования достаточно сложно хронологизировать, а также вписать в определенные ареалы, которые позволили бы провести их этноязыковую интерпретацию. Реконструкция ситуации на 300–400 лет назад требует дополнительных материалов. Среди последних – антропонимия писцовых книг.

Вообще материалы писцовых книг¹ в смысле этнической идентификации населения достаточно безлики. Васюк Кузьмин из Остречинского погоста мог быть, если судить по его имени, и русским, и карелом, и вепсом. Письменные документы XVI–XVII вв. не передают, как правило, фамилий, которые к тому времени еще не получили официального статуса, а соответствующие неофициальные родовые прозвания, а также прозвища лишь в качестве исключений попадают в официальные источники. Отметим в Олонецком погосте:

Сидорко Васильев *Копалев*: в основе патронима карел. *korrala*, *korrali*, *korral* ‘глухарка’.

Гришка Иванов *Гангоня*: прозвище заманчиво возводить к хорошо известному в прибалтийско-финских языках слову *hakorää* со значением ‘недалекий человек, дурень’.

Ондрейко Васильев *Тюкиев*: в основе возможно реконструировать антропоним **Tökkijä*, ср. карел. *tückiä* ‘стучать’.

вепского заселения разных участков Онежско-Ладожского перешейка. В частности, по материалам археологии и истории территория верхней Свири – административно Остречинский погост – осваивалась позднее (начиная с XIII в.), чем Важинский погост (Спиридонов 1989). Из фактов ономастического порядка на это обстоятельство указывает отсутствие *-l*-овой ойконимии на верхней Свири. Эта топонимическая модель маркирует территорию раннего вепского освоения. Можно полагать, что карельское освоение позднее наложилось на сложившиеся уже в предшествующий, вепский, период границы и демонстрирует принцип преемственности этнических границ в северном При-Свирье.

¹ Этот и последующие примеры взяты из писцовых книг Обонежской пятины [ПКОП, ПКЗП].

В Шунгском погосте:

Першка да Якушка да Кондратко *Керкины* в Пайницах. Финский историк, автор многочисленных исследований о карелах Хейкки Киркинен склонен связывать свою фамилию с данным заонежским родом, а истоки родового патронима Kirki возводить к карел. kirki, kirgi 'с горячим темпераментом, пылкий, страстный' (Kirkinen 1990: 18).

Кипр Иванов *Кярзин*: в основе реконструируется прибалтийско-финский патроним Kärsä, ср. карел. kärsä, kärzä, вепс. kärz 'рыло', в переносном значении '(некрасивое) лицо'.

Иванко Микифоров *Мустар*: *Mustar(i) по аналогии с Toivari, Нувäri и др., в которых суффикс -ri присоединен к древней прибалтийско-финской именной основе, ср. приоб.-фин. musta, must 'черный, темный', т. е. человек с темными волосами, бородой или темным цветом лица.

Родовые прозвания – редкость на фоне именованных, представленных личным именем и отчеством. При этом отчество, восходя к православному имени, не несет, как правило, этнической нагрузки. Впрочем, в редких случаях прибалтийско-финские истоки отчества угадываются благодаря тому, что православное имя в нем получило карельское или вепсское оформление: ср. Иванко *Онтуев* (карел. Ontoi <= рус. Антон), Гаврилко *Ермоев* (карел. Ертои <= рус. Еремей), Сенка *Партуев* (карел. Рагроi <= рус. Парфен). Примеров такого рода единицы. Видимо, в официальном документе предпочтение отдавалось русскому официальному варианту антропонима, а не его прибалтийско-финскому варианту, имевшему неофициальный статус.

В антропонимии, закрепившейся в писцовых книгах в наименованиях деревень, ситуация несколько иная. Целый ряд ойконимов восходит к прибалтийско-финским вариантам русских православных имен. Их присутствие обусловлено, очевидно, самим статусом ойконимов. В Остречинском погосте, описанном в ПКОП, к таковым относятся дер. *Ившюевская* (< вепс. Ivšui, Ivšoi <= рус. Ивушка, Иша – уменьшительные формы канонического Иван), *Микуевская* (Mikoi <= рус. Мика, Михаил), *Онтуевская* (Ontoi <= Антон), *Кикуевская*, *Силкуевская*, *Мачюевская*, *Нефюева* и др. В Олонецком погосте это дер. *Антуева*, *Нехпоева*,

Петкуево ~ Пекуево, Манишево, Ортуево, Мелкуево и некоторые другие. В них именная основа оформлена суффиксом *-oi ~ -ui* (в русской передаче чаще всего *-уй*), свойственным вепсскому и карельскому именословам. Первоначально он нес деминутивную нагрузку, однако со временем стал восприниматься просто в качестве формального элемента, присущего личным именам.

Еще показательнее ойконимы, которые восходят к неправославному, т. е. собственно вепсскому или карельскому, именослову. В ойконимах этой группы находят отражение как древние прибалтийско-финские личные имена, так и прозвища, при этом границу между этими двумя группами антропонимов провести сложно (Kiviniemi 1983).

В Олонецком погосте названия поселений данной модели группируются прежде всего по р. Олонка, Мегрега, Видлица:

Игачино Семенково посидение: древнее прибалтийско-финское личное имя *Ihattu* (в карельском варианте *Ihačču*) с семантикой 'вызывающий восхищение, преклонение';

Каргуева Заречье устье, а также дер. *Каргеева*: по-видимому, в основе следует искать антропоним, аналогичный известным по документам XVI в. на территории Карельского перешейка антропонимам *Karhi, Karhia, Karhinen*. Прозвище, перешедшее затем в фамилию, могло присваиваться человеку с жесткими, грубыми волосами или бородой (SN), ср. карел. *karhia* 'шершавый, грубый на ощупь';

Тахтасово: в основе надо предполагать антропоним *Tahtas* прозвищного характера, восходящий к карел. *tahtas* 'тесто'. Отантропонимическая интерпретация основы подтверждается тем, например, что она используется в карельской образной речи в переносном значении 'глупец, мякинная голова' (ФСКЯ). В этом же контексте, возможно, следует рассматривать коллективное прозвище, или иначе микроэтноним *тестенники*, использовавшийся для называния заонежан.

В Остречинском погосте:

Келасово: вепс. *kelaz* 'лгун, лстец';

Ребуевская: вепсский антропоним *Reboi*, восходящий, в свою очередь, к вепс. *geboi* 'лиса';

Бардуевская: вепс. **Bardoi* от *bard* 'борода';

Кургинская: в основе широко известный в прибалтийско-финском ономастиконе антропоним Kurki (вепс. Kurg) от kurg 'журавль';

Кукуевская: вепс. Kukoi от kukoi 'петух'.

С позиций этнической идентификации населения в списке Остречинских поселений важно то, что ряд антропонимов с прибалтийско-финскими истоками фиксируется в наименованиях деревень, ныне являющихся русскими, и указывает тем самым на прибалтийско-финские истоки их населения.

Материалы писцовых книг XVI–XVII вв. содержат, таким образом, своеобразный прибалтийско-финский «привкус» в виде прибалтийско-финской антропонимии и возникших на ее основе ойконимах. Этот материал, однако, практически не способен – в силу родства карельской и вепсской антропонимических систем – дифференцировать карельские и вепсские территории. Он свидетельствует, правда, о том, что прибалтийско-финская антропонимия более частотна на территории Олонецкого погоста, что, безусловно, несет определенную этноязыковую нагрузку, например, свидетельствует о наличии в здешней ойконимии пластов, вызывающих большую сложность для русской передачи, чем вепсская антропонимия.

Население Олонецкого погоста выделяется на фоне остальных жителей южной Карелии еще по одному показателю: в то время как во всех окружающих погостах – Пиркиничском, Важенском, Остречинском, Шуйском и Кижском – при описании населения встречается этноним *корелянин*, на территории Олонецкого погоста нет ни одной подобной фиксации. В самом деле, в Шуйском погосте писцовая книга 1563 г. отмечает Куземку Корелянина в дер. Поповичевской на Шуе, Михийко Корелянина в Сувисари, Харитонку Корелянина в Деревянном, а также дер. Корилянинову в Бесовце (ПКОП, 114–120). В Кижском погосте упомянут Якимко Григорьев Корелянин, в Шунгском Сенка Корелянин в Кефтеницах, в Остречинском Калинка Корилянин, а также дер. на Ивине Дорофеевская Кориленинова, в Важенском погосте Микитка Корелянин, в Пиркиничском зафиксировано две деревни – Кореляниново и Кориленинова – соответственно в Погах и на Яндеме. С одной стороны, фиксации

эти не носят массового характера, так что отсутствие их в Олонецком погосте может иметь и случайный характер. С другой стороны, однако, они укладываются в универсальную ономастическую закономерность, согласно которой этнонимы и этнонимические наименования актуальны на границах распространения этноса, в зонах контактирования, где есть потребность в дифференциации населения. В нашем случае отсутствие этнонима *корелянин*, которым назывались, очевидно, выхоцы из Корелы, в Олонецком погосте может быть увязано с тем, что здесь это население не воспринималось – во всяком случае в такой степени, как в более удаленных от Корельского уезда погостах – чужеродным. Видимо, в Олонце оно не было такой редкостью, таким исключением, как восточнее и южнее. В этом этнонимическом факте можно усматривать отражение процесса постепенного внедрения собственно-карельского населения в Обонежье. Можно полагать, что в XVI в. процесс формирования людиковского наречия карельского языка еще не завершился. На это указывает косвенным образом то, что по целому ряду параметров оно не оформилось окончательно и на сегодняшний день, выступая в многообразии разных говоров. Топонимия сохранила некоторые факты, свидетельствующие в пользу, во-первых, неоднократного, а во-вторых, локального по территории подселения карел в Прионежье. Например, на общем людиковском фоне топонимии окрестностей Суйсари и Ялгубы выделяется группа названий с конечным элементом *-вара*, который не свойствен топонимии людиков, но известен собственно-карельской топонимической системе: *Гауковара* (или *Галкавара*), *Кулявара*, *Вазровары* (или *Разорвара*) в Суйсари, *Кимовара*, *Свежавара*, *Иеувара* в Ялгубе, *Ледевара* в Березовых Мостах, *Кюршина Вара* в Кодострове, *Большая Вара* в Соломенном. Все перечисленные названия привязаны к возвышенным участкам местности, холмам, горкам, что позволяет связывать элемент *-вара* с прибалтийско-финским географическим термином, известным финским (*vaaga*) и собственно-карельским (*voaga, vuaga*) говорам в значении 'поросшая лесом гора, сопка'. Слово, однако, неизвестно людиковским говорам. Его следов не обнаруживается и в людиковской топонимии. Наличие его в то-

понимии Суйсары и окрестных деревень вызвано, видимо, относительно поздним проникновением сюда собственно-карельских переселенцев, которые могли принести с собой модель названия. Наличие его отчетливо прослеживается в людиковском говоре смежной с упомянутыми Суйсарью и Ялгубой, а также Соломенным деревни Логморучей. Исследователь этого говора Аймо Турунен считал «карелизмы» в нем следствием внедрения переселенцев с Карельского перешейка в уже относительно сформировавшуюся людиковскую среду в XVII в. (Tuunen 1977). Достаточно наглядный пример локального собственно-карельского внедрения содержит и топонимия прионежской Ладвы, где в массе бесспорно вепсских по истокам своим географических названий обнаруживается несколько сугубо карельских образцов, в том числе горка под названием *Кеука* (собств.-карел., ливв. *keykkä, keukku* 'небольшой холм, пригорок'), *Лехтручей* (собств.-карел., ливв. *lehto* 'роща'), омут *Матикова Бонга* (собств.-карел., ливв. *matikka, matikku* 'налим' при вепском *mادهh, madez*, людиковском *mادهh*), дер. *Иломанча* в составе Ладвы с характерным собственно-карельским названием и некоторые другие (Муллонен 1997).

Писцовые книги содержат и отдельные следы собственно-карельского проникновения в ливвиковскую Карелию. К примеру, в Писцовой книге Обонежской пятины 1582/83 г. в описании Тулмозера Олонецкого погоста рядом с моделью «деревня Сидорково» и «деревня Сенково посиденье» появляется вдруг «деревня *Игакала*» (с концовкой *-la*, присоединяющейся к древнему карельскому личному имени *Ihakka*), не отмеченная прежней переписью. Хотя модель ойконимов на *-la* была известна в средневековье на территории Олонецкого погоста, она оформлялась в русской передаче на юге погоста с помощью русских суффиксов *-ицы/-ичи* (*Valoilu – Валовичи*), севернее суффиксами *-ская* (*Aleksala – Олексинская*) или *-ево* (*Tükkül – Тюккуево*) (Муллонен 1996). В окрестностях Тулмозера же, возможно, произошел своего рода буквальный перевод, в результате которого *Gauroil* передано как *Гаврилково посиденье*. При этом в составленных приблизительно в то же самое время Писцовой книге Водской пятины 1568 г. и Поземельной книге Кекс-

гольмского лена 1637 г., описывающих прилегающую к Олонецкой Карелии с запада территорию, модель ойконимов на *-la* продуктивна и последовательно отражена писцами. В этом контексте можно полагать, что название деревни *Игакала*, которое, как уже отмечалось, не зафиксировано предшествующей переписью, пришло вместе с населением из Северо-Восточного Приладожья.

Следует, однако, признать, что на западе Олонецкого перешейка значительно сложнее, чем на востоке, уловить в языковом материале слои, пласты карельского освоения. Они сплывались в достаточно единый конгломерат, который называется ливвиковским наречием карельского языка. На востоке же ареала далеко не всегда и не везде произошел сплав, сглаживание элементов, привнесенных в ходе поэтапного карельского освоения региона. Особенно наглядна эта многослойность на Заонежском полуострове, в русской по употреблению топонимии которого выявляются и вепские, и разновременные карельские модели – как имеющие людиковское лицо, так и идентифицирующиеся как собственно-карельские.

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников. На сегодняшний день тезис о прибалтийско-финском наследии в культуре Заонежья общепризнан. Знаменательно, однако, что исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепское и карельское начала или же, как, например, в работах Д.В. Бубриха (1947) или В.В. Пименова (1965) проводится мысль о вепских истоках языка и особенно топонимии Заонежья. Провести границу между вепским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно не просто, поскольку речь идет о близкородственных языках. В результате топонимическая лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимобразовании, восходит к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков и, следовательно, не способна дифференцировать языковые коллективы. В этих условиях актуален поиск надежных критериев для разграничения.

Анализ конкретного топонимического материала Заонежья позволил наметить те направления, по которым можно сгруппи-

ровать факты карело-вепсского языкового противостояния. Среди них, прежде всего, специфические топоосновы, восходящие к оригинальной вепсской или карельской лексике. Таковых немного – и в силу отмеченной уже значительной идентичности карельских и вепсских топонимических моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов. Тем ценнее те метки, которые удастся обнаружить. К ним относится около 30 надежных карельских, т. е. восходящих к лексемам, отсутствующим (и – что важно – отсутствовавшим) в вепсском языке, топооснов.

Среди них основа *сало-*, причем в значении ‘остров’, так как фиксируется в названии двух островов *Салоостров* и остров *Салов*, а также *Сальная Луда*, все в северо-восточном Заонежье. В карельских диалектах слово имеет значение ‘большой дремучий лес, чащоба’, а семантика ‘остров’ зафиксирована лишь в финских диалектах Саво и Хяме. В связи с этим встает вопрос об истоках топоосновы: было ли значение ‘остров’ присуще карельской лексеме *salu* в прошлом (на эту мысль наводят названия некоторых островов с элементом *salu-*, известные в собственно-карельском и ливвиковском ареалах), или здесь наблюдается некое саволакское наследие, которое проникло в собственно-карельский ареал, а затем с собственно-карельским продвижением достигло Заонежья. Однако в любом случае основа не вепсская.

К дифференцирующим собственно-карельским тополексемам относится зафиксированное в топонимах *Кумбовинья* (Сенная Губа), *Кумбушка* (Вырозеро), *Кумбово поле* (Кажма) слово *kutru, kumbu* ‘холм, пригорок’. Показательно, что из трех карельских диалектов слово бытует только в собственно-карельском и неизвестно в ливвиковском и людиковском. Его нет в вепсском языке. Все это дает полное основание возводить топонимы к карельскому наследию, причем в его собственно-карельском варианте.

Приведем в качестве показательного примера дифференцирующей карельской модели также топонимы с основным элементом *-лакша* (<собств.-карел. *lakši* ‘залив’): *Койлакша*, *Латиллакша* (Великая Губа), *Войлакша*, *Муталакша* (Сенная Губа),

Кидалакша (Падмозеро). Здесь наблюдается явное собственно-карельское (в противоположность ливвиковско-людиковскому и вепсскому *lahti, laht*) оформление топоосновы.

В целом из списка, включающего около 30 дифференцирующих карельских топооснов Заонежья, значительная часть представлена сугубо собственно-карельскими лексемами, не имеющими ливвиковских и людиковских аналогов. Это свидетельство локальных собственно-карельских связей в истории и культуре Заонежья. При этом привязка основ к микротопонимам говорит в пользу относительно молодого возраста этих связей.

Другой методический прием связан с избирательным подходом топосистем разных языков к использованию лексики. Общим словарным фондом вепсская и карельская система топонимов распоряжаются по-разному. Лексема *halla* (вепс. *hal*) 'мороз, иней' известна в равной мере и карельским, и вепским диалектам. Однако она не нашла применения в вепсской топонимии, в то время как в карельской достаточно продуктивна. На карельской территории, примыкающей к Заонежью с северо-запада, т. е. в бассейне Нижней Суны, известны руч. *Halloja*, бол. *Hallasuo*, заливы *Hallaksi, Hallalaksi*. Этот ареал, собственно, продолжается в Заонежье, где есть *Галгуба* (дважды), *Галостров, Галово болото*. В вепсской топонимии та же идея – место, подверженное заморозкам – выражается иначе, с использованием лексической модели *külmä*- 'холодный'. В Заонежье, таким образом, представлена карельская модель, отсутствующая в вепсской топосистеме. Кроме того, картографирование ее указывает, кажется, на сунский (т. е. собственно-карельский) путь проникновения модели в Заонежье. Сунские связи присущи и дифференцирующей карельской топооснове *jylmä*- (и ее производному *jylmäkkö*) 'крутая гора, обрыв'. На Заонежском полуострове известны две горы под названием *Юльма* (Сенная Губа, Кузаранда), а также дер. *Юлмаки* и гора *Юлмаки* в центральном Заонежье. За пределами Заонежья, в Сунском бассейне, с выходом на Лексозеро, зафиксированы наименования гор, возвышенных берегов, островов с обрывистыми берегами *Jylmä, Dylmä; Jylmäsrkkä, Jylmäkkö*. Картографирование тополексемы

указывает на продвижение ее в Заонежье из собственно-карельского ареала.

Третий критерий для различения карельского и вепсского начала в топонимии Заонежья – фонетический, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепсского и карельского языка, с другой, на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером – названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Залебежский или Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *gäme* (вепс. *gäm-*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. При такой интерпретации возникает, однако, одна сложность фонетического порядка: прибалтийско-финское *ä* в Заонежье приобретает вид *e*, но не *и*: *Мендостров* (*mändy, mänd* ‘сосна’), *Сергозеро* (*särgi, särg* ‘плотва’), *Нелгозеро* (*nälgä, nälg* ‘голод’ – основа, использовавшаяся, как правило, для называния бедных рыбой озер). Эту сложность можно преодолеть, если обратить внимание еще на одну примечательную деталь фонетической системы Заонежья: прибалтийско-финский дифтонг *ie* воспринимается здесь в русском употреблении как *и*: урочище *Литяги* (*liete, lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пиннаволок* (*piēpi* ‘маленький’) и др. В ряду последних заманчиво рассматривать и топоним *Рим* как восходящий не к вепсской или южнокарельской основе с гласным *ä* (*gäm-*), а к собственно-карельской, имеющий вид *gieme*. Фонетический облик топонима несет указание на языковые истоки названия. Кстати, вывод о собственно-карельском происхождении топонима *Рим* поддерживается названием самого куста поселений *Вырозеро*, которое в письменных источниках XVI–XVII вв. известно как *Вирозеро*. В основе топонима собственно-карельское слово *viēgä* ‘кривой, изогнутый’ (при вепсском *vär*). Этимология поддерживается кривой, дугообразной формой озера, ныне называющегося Ганьковским (Муллонен 2000).

Подведем некоторые итоги по последнему разделу статьи. Вепско-карельская дистрибуция на деле выливается в поиск критериев, разграничивающих вепские и собственно-карельские

топонимические типы. Понятно, почему это происходит: вепское наследие в ливвиковском и людиковском не позволяет провести границу между вепскими и карельскими элементами в полной мере корректно. Собственно-карельские элементы представлены практически на всей территории Заонежского полуострова. При этом на западе Заонежья они выступают в людиковском контексте, который на востоке и северо-востоке Заонежья менее выражен. Анализ топонимии свидетельствует в пользу присутствия в ней мощного карельского элемента, формировавшегося в ходе неоднократного карельского внедрения в регион.

В этой связи следует отметить, что вепское наследие в языке и топонимии Заонежья, видимо, носит более ограниченный, более размытый характер, чем традиционно представляется. Оно прослеживается в западном людиковском Заонежье. Мы полагаем, что оно представлено также серией ойконимов с конечным элементом *-ичи/-ицы*, который традиционно использовался для адаптации вепских наименований поселений, оформленных суффиксом *-l*. Эта традиция сложилась в вепском Присвирье где-нибудь на рубеже XII–XIII вв. и была затем перенесена в Заонежье и Водлозерье, где просуществовала, видимо, до XIV–XV вв. (Муллонен 1996). Имеется в виду, что заонежский топоним *Кургеницы* может быть возведен к вепскому оригиналу *Kurgil, в котором выступает в качестве основы древний прибалтийско-финский антропоним Kurki (вепс. Kurg), восходящий, в свою очередь, к апеллятиву kurki ‘журавль’. Суффикс *-l* с локативной семантикой традиционно оформлял отантропонимические основы. В Заонежье удастся восстановить немногим более десятка названий, при этом примечательна их локализация: *Кургеницы*, *Клименицы*, *Погаченицы/Пахиничи*, *Типиницы* расположены на южной оконечности Заонежья, а *Паяницы*, *Кайбиницы*, *Паханичи*, *Кехтеницы*, *Юрговичи/Верговичи* – в северо-восточном конце полуострова, в окрестностях Шуньги. На остальной территории Заонежского полуострова модель отсутствует, будучи, однако, представленной несколькими примерами (*Койкиницы*, *Тайгиницы*, *Тиконицы*, *Кяменицы*, *Пижиничи*) на водоразделе Онежского озера и Белого моря. В основе большинства приведенных названий может быть восстановлен при-

балтийско-финский (вепсский) оригинал *-l*-овой модели. В пользу вепсских (не карельских) истоков модели в Заонежье свидетельствует, во-первых, то обстоятельство, что именно по такой схеме происходило развитие в вепсском Присвирье, во-вторых, она, как отмечалось выше, была продуктивна в Заонежье до XIV–XV вв., т. е. в период, предшествовавший активному карельскому освоению региона. Кроме того, в ближайших к Заонежью карельских районах *-l*-овая ойконимическая модель практически неизвестна.

Описанная ойконимическая модель указывает на то, что и вепское, и русское освоение Обонежья происходило из Присвирья. Ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в северном Обонежье явно накладывался на тот древний транзитный путь, по которому проходила и новгородская, и вепсская миграция из Присвирья в Заонежье, а затем в Беломорье.

При анализе топонимии Заонежского полуострова складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосредственного вепско-карельского контакта. Поскольку русская колонизация Севера прошла практически по тем же путям, которые уже были освоены вепсами, то рано начинается их обрусение. В результате карелы, продвинувшиеся в Заонежье, соприкоснулись здесь уже с обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепсская по происхождению топонимия воспринималась карелами через русское посредство. На основной территории Обонежья не сложилась людиковская речь, которая, как известно, является результатом карело-вепского языкового сплава. Лишь на западе Обонежья вепско-карельское контактирование происходило напрямую, без русского посредства.

Выше уже обращалось внимание на то, что в смысле этнической идентификации населения материалы писцовых книг XVI–XVII вв. малопоказательны. Однако сопоставление антропонимии разных погостов все же выявляет явные очаги, скопления дифференцирующих русских антропонимов. К последним относятся прозвища, неканонические имена и образованные от них отчества и фамилии, ср. в Шуньге Федко Васильев *Горлов*, Иванко *Лехкой*, Фефилко Федоров *Одинец*, Мишук Дмитров

Кривой, Третьяк, Поздячко, Ронко Бобров, Иванко Васильев Волк, Сенка Гладышов, Мишук Иванов Ременников, Тимошка да Якуш Селезены, Федотко Федоров Коровников и др. Даже если признать, что часть из них возникла в результате перевода прибалтийско-финских оригиналов, все же нельзя не принимать во внимание того, что здесь на ограниченной территории представлено значительное скопление русской антропонимии, являющееся свидетельством присутствия русского населения. Такие же очаги заметны также, например, в Великой Губе и в Толвуе.

В заключение выскажем некоторые соображения о формировании системы ойконимов, т. е. наименований поселений, на территории южной Карелии. Здесь господствует гнездовая форма поселений, при этом названия гнезд носят, как правило, вторичный характер, т. е. восходят к наименованиям тех природных объектов, в зоне которых расположены: *Шокша* при р. Шокша, *Фоймогуба* при одноименном заливе оз. Путкозеро, *Святозеро* на одноименном озере, *Толвуя* в низовьях р. Царевки, которая прежде носила имя Толвуя или Толвуй (из приб.-фин. **Talvoja* 'зимний ручей'). Эта традиция хорошо прослеживается на материалах писцовых книг. В них же зафиксированы наименования кустов, которые могут быть по происхождению первичными. К последним, возможно, относятся заонежские *Пахичи* и *Титиницы*, а также другие ойконимы с конечным *-ичи/-ицы*, которые восходят к антропонимам (Муллерен 1996).

Для обозначения понятия 'куст поселений' в прибалтийско-финских языках Карелии использовался термин *külä*, хотя из вепсского языка он со временем практически исчез, сохранив память о себе в некоторых топонимах, в том числе в названии центральной деревни в составе с. Шокша *Keskülä*, в русском переводе *Средьволость*. В людиковском диалекте значение слова *külä* расширилось до обозначения любой деревни, деревни вообще, а в ливвиковском сузилось до обозначения небольшой, отдаленной деревни. Центральная деревня в составе куста называется и в русских, и в карельских говорах южной Карелии словом *погост* (ливв. *pogostu*, люд. *pogost, pagast*). И сам термин, и называемый им тип поселения имеет безусловные русские истоки. На территории расселения прионежских вепсов для обозна-

чения центральной деревни, видимо, использовался другой, также имеющий русские истоки термин *posad*, позже расширивший семантику и обозначающий в современном северновепском диалекте любое поселение. На первоначальную семантику указывают северновепские ойконимы, названия центральных деревень в с. Каскесручей (*Posad*, или *Keškposad* ‘средняя, центральная деревня’), Матвеева Сельга (*Posad*, или *Surposad* ‘большая деревня’), Шелтозеро (*Papinposad* ‘попова деревня’), Залесье (*Posad* или *Surposad*). В с. Шокша дер. *Posad* является частью центральной деревни *Keškülä*. Все они либо примыкают к деревенским погостам, либо погосты находятся непосредственно в них. Наше предположение об изначальной семантике термина основывается косвенным образом и на истории появления указанного слова в вепском языке. Лексема *posad*, известная еще древнерусской литературе в значении ‘поселение, предместье, поместье’, в русских говорах Посвирья зафиксирована как ‘ряд домов; улица; деревня’. Здесь же, на Свири, слово имеет активное топонимическое функционирование, при этом название *Посад* свойственно прежде всего именно центральному или тяготеющему к центру куста поселений деревням. Видимо, в ойконимах Присвирья и вепского Прионежья сохранились рудименты изначального значения новгородского слова, т. е. поселение, окружающее некий центр, примыкающее к нему. В Новгороде таким центром был город, на Свири и у северных вепсов – погост, церковь.

Бытование слова в вепском Прионежье указывает на непосредственные связи его с русским Присвирьем. Исходя из того, что термин не привился в остальных вепских диалектах, а также в ливвиковском и людиковском, надо полагать, что вепское Прионежье отличалось более прочными и непосредственными связями с Присвирьем, чем остальные районы южной Карелии. На это указывают косвенным образом и материалы Писцовых книг Обонежской пятины, из которых явствует, что центры двух погостов, в состав которых входили северновепские поселения в XV–XVI вв., – Остречинского и Оштинского – располагались именно в Присвирье.

Из других терминов, обозначающих поселение, интересен ливвиковский, а также известный части лудиковских говоров *hieru* (люд. *hier*) с неясными этимологическими истоками. Его заманчиво сопоставить с вепс. *hege* 'навоз', имея в виду основную, принципиально важную для древнего понятия 'деревня' семантику 'обработанная земля'. Впрочем, для объединения вепсского и карельского слова в одно этимологическое гнездо существуют фонетические сложности, связанные с конечной огласовкой термина.

В ливвиковской топонимии зафиксированы также единичные следы бытования в прошлом термина *jälgi*, букв. 'след', который использовался с семантикой 'надел земли, угодье' и представлял собой переводную кальку русского термина *след, посиденье*, использовавшегося активно Писцовыми книгами (Мамонтова 1982).

В топонимии южной Карелии сохранились убедительные следы того, что в прошлом для обозначения понятия 'деревня' широко использовался термин *kondu* (ливв.), *kond, kondu* (люд.), *kond* (вепс.). Эта лексема утрачена полностью вепсскими говорами, а в карельских имеет значение 'земля, земельные угодья', т. е. то, которое было в прошлом основным в понятии 'деревня' (ср. в связи с этим рус. *деревня*, первоначальное значение которого 'пашня' (Фасмер), или *hieru*). Слово сохранилось во множестве топонимов – наименованиях поселений (*Кондопога, Погранкондуши, Конда*) и сельскохозяйственных угодий (поле *Кокшаконда* в Ладве, покос *Hodarinkondu* в Мачезере, поле *Kondušine* в Шелтозере, урочище *Райдаконда* в Шуньге). В последних сохраняется память о поселениях, бывших прежде на этих местах.

В терминологии системы поселений, таким образом, обращает на себя внимание, во-первых, значительное русское воздействие, вызванное официальным бытованием соответствующей русской терминологии. Во-вторых, сами прибалтийско-финские термины претерпели в течение столетий значительные изменения в употреблении и семантике, свидетельствующие о происходившем в этот период становлении самой системы расселения.

Среди названий гнезда поселений преобладают первичные ойконимы. В них явно преобладают отантропонимические наименования, естественные при назывании малодворных северных деревень. При этом в ойконимах нередко находят отражение патронимия, коллектив жителей малодворной деревни, населенной родственниками. Данной цели служат, например, суффиксы с коллективной семантикой, которыми оформляется в названии поселения антропоним. Так, в наименованиях входящих в вепское село Другая Река деревень *Zinkveh* и *Mišukveh* суффикс *-veh* с собирательным значением, присоединяясь к антропонимам, первоначально служил для называния жителей деревни. Это, между прочим, находит подтверждение в современных фамилиях жителей: Зинковы в дер. *Zinkveh* и Мишуковы в дер. *Mišukveh*. Показателен и другой характерный для ойконимии прионежских вепсов собирательный суффикс *-išt*, присутствующий в целом ряде названий деревень Шелтозеро и Шокша: *Deremišt*, *Vasilišt*, *Fedorišt*, *Voinikišt* (ср. жители по фамилии Войниковы), *Tihoništ*, *Papišt*.

Особенности формирования системы расселения наглядно проявляются еще в одной семантической группе ойконимов – в так называемых «ситуативных» названиях. Это ойконимы, в которых отражается географическое положение поселения относительно некоего центра – как правило, центра куста поселений. В Шелтозеро таковы дер. *Üliz/agd* ‘Верхний Конец’ и *Alaž/agd* ‘Нижний Конец’, ориентированные по течению р. Шелтозерка, а также *Nouman/čug* ‘Наумов Угол’, в Каскесручье – *Suv/agd* ‘Южный Конец’ и *Pohd/agd* ‘Северный Конец’, в ливвиковском ареале – дер. *Agju* (ливв. *agju* ‘край, конец’), в Утозере – *Čuppi* (ливв. *čuppi* ‘угол’), в Тулоксе – *Keski/hieru* (ливв. *keski* ‘середина, центр’, в Вороновой Горе – *Sürjü* (ливв. *sürjü* ‘сторона, край’) (Мамонтова 1982).

Наличие определенных этапов в заселении южной Карелии находит отражение в многослойности топонимии данного региона. Вепсский пласт на значительной части описанной территории перекрыт карельским, при этом плотность перекрытия колеблется от практически полной нивелировки дифференцирующих вепских признаков в восточном Приладожье до со-

хранения отчетливых вепсских моделей на восточной периферии Олонецкого перешейка. На юго-востоке Онежско-Ладожского перешейка вепсская топонимия, как, впрочем, и карельская, перекрыты русским топонимным пластом, формирование которого было растянуто во времени на несколько столетий. Наряду с моделями, имеющими достаточно ранние новгородские корни, в географических наименованиях данного района множество признаков, характерных для поздних этапов формирования севернорусской топонимии. При этом топонимия дает серьезные основания полагать, что русское население Карелии сформировалось в значительной мере как результат постепенного обрусения местных прибалтийских финнов.

Литература

- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.
- Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Мамонтова Н. Н.* Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.
- Муллонен И. И.* Вепсы Прионежья по данным топонимии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.
- Муллонен И. И.* Об одной древнерусской ойконимной модели в При-свирье и Обонежье // Язык: История и современность. СПб., 1996.
- Муллонен И. И.* Вепско-карельские контакты в топонимии Северного Присвирья // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск, 1997.
- Муллонен И. И.* Вырозеро // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск, 2000.
- Орфинский В. П., Гришина И. Е., Муллонен И. И.* Юго-Западная Карелия в свете историко-архитектурных и топонимических данных: Опыт междисциплинарного исследования // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск, 1997.
- ПКВП – Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск–Йоэнсуу, 1987. С. 52–178.
- ПКЗП – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск–Йоэнсуу, 1993.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
Списки населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1873 г.
СПб., 1879.

Спиридонов А. М. К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

ФСКЯ – *Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // *Virittäjä*. 1971. S. 153–182.

Kirkinen H. Juuria etsimässä // *Karjalani. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö*. Joensuu, 1990.

Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimenvalinta. Espoo, 1983.

Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967.

SN – *Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Keuruu, 1992.

Turunen A. Lyydiläiset murreaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // *Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja 25. Kielen ja kulttuurin kentältä*. Helsinki, 1977.

О. Л. Карлова

КАРЕЛЬСКАЯ СУФФИКСАЛЬНАЯ ОЙКОНИМИЯ

Ойконимы (наименования поселений) – это один из самых крупных классов географических названий. Ойконимический материал представляет несомненный интерес не только в лингвистическом плане. Благодаря социальной обусловленности ойконимии в ней наиболее ярко отражены общественная и хозяйственная деятельность человека. И хотя ойконимы по сравнению с другими классами топонимии отличаются чрезвычайной нестабильностью и недолговечностью, все же некоторые из них – прежде всего, названия гнезд поселений – живут долго и